

АВТОРИТЕТНОЕ МНЕНИЕ. Размышляя о ценах

В нашей редакционной почте множество писем, авторов которых тревожит предстоящая реформа розничных цен, их возможное повышение на продукты питания. Часть этих мнений опубликована сегодня на с. 2 - 3.

Наш корреспондент Н. Желнорова встретила с председателем Межведомственного совета по ценообразованию АН СССР и Госкомцен СССР, заместителем директора ЦЭМИ АН СССР, членом-корреспондентом АН СССР Н. Я. ПЕТРАКОВЫМ и попросила его рассказать о сегодняшнем состоянии цен и причинах предстоящей реформы ценообразования.

КОРР. Николай Яковлевич, читатели считают, что повышение цен на мясо (а такие высказывания специалистов в печати были) может серьезным образом отразиться на бюджете людей...

ПЕТРАКОВ. Все эти неудовольствия исходят большей частью от москвичей и ленинградцев, жителей крупных городов страны. Основное население покупает мясо по рыночным ценам. Более того, по высоким ценам (то есть по реальным затратам) потребляет мясо и сельское население, поскольку себестоимость производства мяса в личном подсобном хозяйстве тоже не 2 руб. за 1 кг. Значит, подавляющая часть населения страны не имеет возможности покупать мясо по государственным ценам.

У нас сейчас целый спектр цен: кооперативные, общественного питания, колхозных рынков. И в этом не было бы ничего плохого, если бы человек мог выбрать, где ему купить продукты. Но этого у нас нет. Вот почему получается, что заработанный рубль в разных регионах не равноценен, как не равноценен он и для людей, имеющих разное материальное положение и доступ к продуктам питания.

В этом, разумеется, нет ничего хорошего.

Как же установить справедливость и ликвидировать гипертрофированный спрос на мясной стол? Если мясо находится чуть ли не в дефиците, то люди предъявляют повышенный спрос на мясо, поскольку оно калорийнее. Никакие призывы ни к вегетарианству, ни к рыбным дням не будут иметь действия, пока у нас такие соотношения в ценах на различные продовольственные (и промышленные) товары.

Мы стремимся к оплате по труду. И если нам выдают зарплату по труду, а цены не отражают затраты труда, то это сразу закладывает социальную несправедливость. Тот, кто потребляет больше мяса, когда затраты на 1 кг его составляют 4 руб., - тот получает больший прирост реальных доходов. И наоборот.

В нашем сельском хозяйстве сейчас из-за того, что розничные цены ниже, чем закупочные, существуют дотации на сумму более 60 млрд. руб. Розничная цена 1 кг мяса - 2 руб., издержки - 4 руб. Что делать в этой ситуации? И вопрос не столько экономический, сколько социально-политический. При том никто не говорит о простом повышении цен, речь идет о том, чтобы передать населению эти 60 - 70 млрд. руб. - но по другим каналам.

КОРР. Но зачем класть деньги в левый карман, чтобы их переложить в правый?

ПЕТРАКОВ. Это не левый и правый карманы. Многие люди, получив компенсацию к зарплате, не обязательно будут покупать именно мясо-молочную продукцию. Они сконцентрируют свои деньги на тех товарах, которые хотели бы, но не имели возможности раньше купить. Произойдет перемещение спроса, и структура потребления изменится.

Нельзя выхватывать одну - мясную проблему - из общего контекста наших розничных цен. Нужен общий

пересмотр цен. При этом, я считаю, нужно существенно снизить цены на промышленные товары. Это необходимо сделать, чтобы создать нормальную структуру спроса. Что такое спрос? Это не потребность (потребностей может быть много), а возможность приобрести товар.

КОРР. Николай Яковлевич, читатели пишут, что существо проблемы от перемещения спроса не изменится: мяса не хватает, а цены на него предполагается повысить. Вместо того чтобы проанализировать причины высокой себестоимости продукции животноводства и найти пути ее снижения (чтобы не повышать цен), вы предлагаете изменить структуру спроса. Давайте лучше выясним, почему у нас в сельском хозяйстве такие высокие затраты?

ПЕТРАКОВ. Есть две причины. Это повышение денежных доходов сельского населения, проводившееся в последние годы. В 1970 г. денежная зарплата у колхозника была 74,9 руб., сейчас стала 163 руб. (но и она еще не поднялась до уровня рабочих и служащих). Таким образом, более чем в 2 раза выросли доходы сельского жителя, и вслед за этим так же быстро возросла себестоимость продукции.

Если снизить закупочные цены, тогда снизятся и доходы сельского жителя. Если оставить те же закупочные цены, но поднять розничные - тогда снизится реальный доход городского жителя. Образовался своего рода заколдованный круг.

КОРР. Но ведь в нашем сельском хозяйстве низкая производительность труда, вдвое ниже, чем в промышленности. Нельзя же допустить - вы, экономисты, сами к тому призываете, - чтобы рост доходов опережал рост производительности труда.

ПЕТРАКОВ. В том-то и дело, что рост оплаты труда в сельском хозяйстве шел не пропорционально производительности труда. И мы расплачиваемся за чужие ошибки. С послевоенного времени, когда люди работали за галочку (трудодни ставили, но за них ничего не получали), здесь были такие низкие заработки, что молодежь стала уходить из села. Взять 1965 г., когда дотаций на продукты питания почти не было, а затраты были равны ценам, ведь именно тогда началась миграция из деревень. И это по-человечески понятно. Доходы были крайне низкие (из-за низких закупочных цен), а труд, прямо скажем, тяжелый. Мировая практика показывает, что сельскохозяйственный работник должен получать больше, чем рабочий в промышленности.

КОРР. Но на Западе фермер и кормит значительно большее число горожан, чем у нас.

ПЕТРАКОВ. Правильно. Последние 15 лет мы решали на селе в основном социальную задачу. Чтобы закрепить на местах сельскохозяйственное население, повышали доходы, не оглядываясь на то, растет там производительность труда или нет. Можно спорить, насколько эффективна была эта линия, но в любом случае надо было "подтянуть" доходы крестьянина до среднего уровня горожанина, то есть смягчить, сблизить различия в оплате их труда.

Второй аспект связан с ошибками в планировании. На себестоимость продукции повлияли огромные - и главное, без отдачи - капиталовложения.

Почему такие неразумные капиталовложения? Надо обратиться к прошлому. Беда бюрократической системы состоит в том, что ошибки делают одни, а расплачиваются - другие. Знаете, нас еще губит неправильная оценка ситуации. Мы стали вкладывать большие средства в сельское хозяйство тогда, когда часть людей оттуда уже ушла. Работать стало некому, и этот омертвленный капитал отягощает себестоимость продукции. Кроме того, строили фермы, механизировали процессы, забывая о социальной инфраструктуре - жилье, магазинах, школах.

Итак, оплату труда в сельском хозяйстве снижать никак нельзя. Но теперь любое дальнейшее повышение доходов сельчан должно идти вслед за ростом производительности труда, так же как и в

промышленности.

Остается второй фактор - капиталовложения.

КОРР. По-вашему, Николай Яковлевич, высокие затраты в сельском хозяйстве слагаются из двух причин: роста доходов сельского населения и неразумно больших капвложений. И если на первую по социальным соображениям повлиять (чтобы существенно снизить себестоимость продукции животноводства) нельзя, то на вторую можно. Но как?

ПЕТРАКОВ. В сельхозпроизводстве есть потери, например воровство, - этого можно избежать. Но это не даст снижения себестоимости в два раза. Резерв, на мой взгляд, в другом.

У нас проводится неправильная политика закупочных цен и специализации сельского хозяйства. А связь между ними тесная.

При последнем повышении закупочных цен в сельское хозяйство вложено 16 - 20 млрд. руб. дополнительных средств. Однако распределяются они неэффективно, потому что надбавки к ценам получают в основном убыточные хозяйства. В итоге эта часть надбавок уходит, что называется, в песок. Другая часть идет на стимулирование превышения планов сдачи, например, зерна. Если вы сдаете зерна больше, чем раньше, то его государство берет по более высокой цене. Вроде бы, если судить "с ходу", правильно, но если глубже разобраться, то это - экономически абсурдно. Получается, что более высокие закупочные цены существуют в урожайный год, а более низкие - в неурожайный. Во всем мире как раз наоборот. Если неурожай - цены растут, когда урожай - падают. Так что и эта часть средств на повышение закупочных цен, на мой взгляд, используется неправильно.

КОРР. Где же выход?

ПЕТРАКОВ. Надо повышать эффективность специализированного производства. А то что получается? Приведу пример. По крупному рогатому скоту у нас есть 74 зоны закупочных цен. Это значит, если в Прибалтике низкие затраты на производство мяса, молока, то у них и низкие цены. А там, где высокие затраты, - там и высокие закупочные. То же самое и по зерну. А в результате вместо того, чтобы концентрировать все зерновое хозяйство в Ставрополье, на Кубани, юге Украины, Алтае, мы этими закупочными ценами стимулируем производство зерна, скажем, в Вологде, где оно обходится в 3 раза дороже. Проводится в целом доброжелательная, но с точки зрения экономики неправильная политика.

Всегда были зоны эффективного развития животноводства, растениеводства, зерноводства, и цены надо устанавливать так, чтобы было выгодно производить продукцию не при всяких, а именно при низких затратах.

КОРР. Жизнь показывает, что есть хозяйства, есть семейные подряды, где себестоимость мяса, молока низка. Почему бы при обсуждении реформы цен не брать равнение на них, а не на низкорентабельные или убыточные хозяйства?

ПЕТРАКОВ. Если бы высокоэффективные хозяйства и подряды стали бы массовым явлением - тогда другое дело. Низкая себестоимость продукции животноводства дается потом и кровью, тяжелейшим трудом. Так что надо выяснить, согласится ли наш сельский житель в массовом порядке проявлять каждодневный героизм, чтобы мы могли удерживать низкими государственные цены?

В экономике главное не отдельные примеры, не "маяки" - для экономики нужны сотни тысяч примеров.

Продолжение следует.